
А. Э. АЙВАЗОВ, В. А. БЕЛИКОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОКтябрьской РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В статье сделана попытка критически переосмыслить природу Октябрьской революции 1917 г. в России, выявив ее экономические предпосылки и содержание. Новую информацию в связи с этим дает сравнительный анализ двух аграрных реформ, произошедших одновременно, но в разных частях мира: Крестьянской реформы 1861 г. в России и земельной реформы, проведенной в 1862 г. в США на основе «Акта о гомстедах» (Гомстед-акта), а также двух Гражданских войн: в США – между Севером и Югом, и в России – между красными и белыми.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., Крестьянская реформа 1861 г., земельная реформа в США 1862 г., Гомстед-акт, Гражданская война между Севером и Югом в США, Гражданская война в России.

Отмечается 100-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР). У современных историков, политологов и социологов неоднозначное отношение к этому историческому событию, хотя никто не отрицает его всемирно-исторического значения. Одни считают революцию огромным шагом вперед в социальном прогрессе (правда, закончившимся, как и большинство других революций, реверсом), другие считают ее исторической случайностью, произошедшей благодаря деятельности кучки фанатиков-авантюристов.

Чтобы правильно понять экономические предпосылки и значение Октябрьской революции 1917 г. для России, мы проведем сравнительный анализ двух аграрных реформ, произошедших одновременно, но в разных частях мира: Крестьянской реформы 1861 г. в России и земельной реформы 1862 г. в США, проведенной на основе Гомстед-акта¹. Кроме того, необходимо сравнить две

¹ Гомстед-акт (англ. *Homestead Act*) – федеральный закон США, разрешивший передачу в собственность гражданам Соединенных Штатов незанятых земель на западе страны. Название закона образовано от понятия «гомстед» (англ. *homestead* – фермерский участок-усадьба) – земельный надел из фонда свободных земель на западе США. Закон вступил в силу с 01.01.1863 г., перестал действовать в 1976 г.

гражданские войны: в США – между Севером и Югом, и в России – между красными и белыми². Берем на себя смелость утверждать, что Гражданская война между Севером и Югом в США и Гражданская война в России, последовавшая за Октябрьской революцией 1917 г., были братьями-близнецами, а вот Крестьянская реформа 1861 г. и Гомстед-акт 1862 г. привели к прямо противоположным результатам. Рабовладельческие плантаторские хозяйства в США и крупное помещичье землевладение в России в середине XIX в. диктовали сырьевой характер экономике и сдерживали развитие национальной индустрии: российские помещики и плантаторы Соединенных Штатов свою сельхозпродукцию сбывали в Европе, где покупали всю необходимую им промышленную продукцию. Поэтому им была выгодна свобода торговли, а зарождающейся национальной индустрии нужна была защита от иностранной конкуренции.

Гражданская война в США между Севером и Югом разгорелась из-за выбора пути дальнейшего экономического развития, а не ради освобождения от рабства негров Юга, как нас пытаются убедить современные либералы. В рамках Гражданской войны между Севером и Югом произошла аграрно-крестьянская революция, в процессе которой было ликвидировано крупное землевладение, основанное на рабском труде, и на смену ему пришло мелкое фермерское землевладение, основанное на свободном труде семейных ферм. В России же, наоборот, Крестьянская реформа 1861 г. была проведена в интересах крупного помещичьего землевладения, сохранившего пережитки крепостничества, что законсервировало развитие Российской империи на полстолетия и затормозило ее индустриальное развитие.

Октябрьская революция 1917 г. не носила социалистического характера, как уверяли большевики, это была типичная аграрно-крестьянская революция, в которой главным победителем стало российское крестьянство, а социалистические преобразования нача-

² Мы исходим из следующей датировки двух этих гражданских войн: в США – с 1861 по 1865 г., между Союзом 20 нерабовладельческих штатов и 4 пограничных штатов Севера, с одной стороны, и Конфедерацией 11 рабовладельческих штатов Юга – с другой; в России – совокупность вооруженных конфликтов между различными политическими, этническими, социальными группами и государственными образованиями на территории бывшей Российской империи с 25 октября (7 ноября) 1917 г. по 25 октября 1922 г. / 16 июля 1923 г., последовавших за приходом к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г.

лись только 12 лет спустя, в конце 1920-х гг. Экономическое значение Декрета о земле было во многом сопоставимо с Гомстед-актом. Оба они законодательно закрепляли передачу земли в руки тех, кто на ней трудился. В этом заключена суть аграрно-крестьянской революции, которая в США была осуществлена на полвека раньше, чем в России, что способствовало капиталистическому развитию экономики Соединенных Штатов в конце XIX в. Декрет о земле осуществил вековую мечту русского крестьянина о «черном переделе», то есть передаче помещичьих земель в руки крестьянства, он превратил помещичьи земли из средства эксплуатации многомиллионного российского крестьянства в средство роста его благосостояния.

Почему Россия не Америка?

К 1860-м гг. промышленная революция в США была в полном разгаре, и поэтому американские штаты раскололись на промышленный Север (с высоким уровнем развития капиталистических отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, где фермеры вели товарное производство) и на сельскохозяйственный Юг (где рабовладельцы-плантаторы выращивали хлопок для продажи его в Англию, то есть были ее сырьевым придатком). В Российской империи к 1860-м гг. промышленная революция еще только начинала формироваться и вся власть находилась в руках помещиков, которые провели «крестьянскую» реформу в своих интересах. Но к началу XX в. на Западе, Юге, в Сибири и на Дальнем Востоке сельскохозяйственное производство велось в целом уже капиталистическими методами, и только в центральной части России крупные помещичьи латифундии препятствовали развитию капитализма в сельском хозяйстве за счет сохранения остатков крепостнических отношений в виде отработок, продовольственной аренды и т. п.

Поэтому оплотом Белого движения были окраины Российской империи, в которых не было помещичьих хозяйств и остатков крепостничества и где наделы крестьян позволяли им вести товарное производство. Юденич наступал с северо-запада, Колчак – с востока из Сибири, Деникин и Врангель – с юга. Профессор В. П. Данилов, выступая в прениях на дискуссии «Особенности аграрного строя

России в период империализма», заявил: «Взгляните на карту нашей страны конца 1918–1919 гг., когда Советская Россия была окружена кольцом интервентов и белогвардейцев. Не совпадает ли в общем линия фронта с экономическими границами, разделявшими районы, в которых до Октябрьской революции в наибольшей мере сохранились пережитки крепостничества, и районы с более свободным, более интенсивным развитием капитализма в сельском хозяйстве?» (Особенности... 1962: 319). И он был прав.

Гражданская война в России полностью подтвердила тот факт, что Октябрьская революция была отнюдь не каким-то военным переворотом, в котором «пьяная матросня» свергла Временное правительство, а затем разогнала и Учредительное собрание. Но это не была и «Великая социалистическая» революция, как об этом трубили большевики – это была аграрно-крестьянская революция, которую возглавили социал-демократы во главе с В. И. Лениным. В России крестьяне, мечтавшие со времен Крестьянской реформы 1861 г. о «черном переделе», получившие в результате Декрета о земле земли помещиков, десятками и сотнями тысяч шли в Красную армию защищать свою землю, которую они получили от советской власти. А крестьянство в начале XX в. составляло более 83 % населения России, поэтому Белое движение в Гражданской войне в России было обречено на поражение, так же как и армии южных штатов в США.

В середине XIX в. наблюдалась высокая схожесть аграрного строя в России и на Юге США: господство крупного землевладения, основанного на подневольном труде (крепостных крестьян в России и рабов – в США). Крестьяне выращивали зерно, которое помещики экспортировали в Европу, а рабы на плантациях выращивали хлопок, который рабовладельцы поставляли в Великобританию³. В 1790 г. в США было произведено всего 3 тыс. кип (1000 фунтов) хлопка, а к 1860 г. производство хлопка выросло почти в 1300 раз – до 3841 тыс. кип, при этом число негров-рабов на Юге увеличилось с 678 тыс. в 1790 г. до 4 млн человек в 1860 г.

³ Интересно, что прекращение поставок хлопка в период войны Севера и Юга вызвало кризис в английской текстильной промышленности, где сотни тысяч людей остались без работы.

(БСЭ 1974, ч. I: 81). Экстенсивный характер плантаторской системы, основанный на неэффективном рабском труде, требовал неограниченного резерва свободных земель, которые имелись в изобилии на Западе США, но на эти же земли претендовали американские фермеры-скваттеры и переселенцы из Европы.

Плантаторы-рабовладельцы производили свою продукцию для продажи в Великобританию, а все необходимые им товары закупали в Европе и совершенно не были заинтересованы в развитии индустрии США. Они были заинтересованы во фритредерстве, в то время как нарождавшаяся в северных штатах национальная индустрия требовала, напротив, протекционизма, защиты от европейской и в первую очередь – от высококонкурентной британской индустрии, уже завершившей промышленную революцию. Фермеры, производя свою продукцию для местного рынка, сами являлись потребителями продукции бурно развивающейся американской индустрии. Поэтому важнейшим элементом Гражданской войны в Соединенных Штатах стал Гомстед-акт, который привел в ряды армии северян десятки тысяч фермеров, сражавшихся за свою землю.

Что же касается освобождения от рабства, то эта политика не представляла какой-либо самостоятельной ценности, имея не столько экономическую, сколько политическую направленность. С одной стороны, северян тут же поддержала европейская либеральная интеллигенция, а «освободитель» крестьян Александр II даже послал в поддержку северян русскую эскадру. С другой стороны, «Прокламация об освобождении рабов», состоявшая из двух указов А. Линкольна, касалась исключительно южных штатов, объединившихся в Конфедеративные Штаты Америки, и была направлена на подрыв экономической основы плантаторских хозяйств и привлечение негров в армию северян.

В результате того, что Гомстед-акт обеспечил осуществление аграрно-крестьянской революции, а Гражданская война ликвидировала крупное плантаторское земледелие, были созданы все необходимые условия для бурного развития экономики США. Согласно Гомстед-акту любой гражданин США, достигший 21 года и не воевавший на стороне Конфедерации южных штатов, мог получить из земель общественного фонда участок земли не более 160 акров

(60 десятин) после уплаты регистрационного сбора в 10 долларов⁴. Поселенец, приступивший к обработке земли и начавший возводить на ней строения, получал бесплатно право собственности на эту землю по истечении 5 лет.

Ограничение в 160 акров было введено для того, чтобы избежать земельной спекуляции (такой участок могла возделывать одна семья с помощью лошадиной тягловой силы). Получаемый американским фермером надел в 160 акров единым участком не идет ни в какое сравнение с мизерным душевым наделом несколькими кусками, расположенными на значительном расстоянии друг от друга, выкупаемым русским крестьянином в рамках Крестьянской реформы Александра II в России⁵. Размер участка, его территориальная разбросанность плюс «отрезки» делали крестьянское хозяйство в России абсолютно неэффективным с точки зрения товарного производства. Для удовлетворения внутренних потребностей семьи и хозяйства американского фермера было достаточно 15–20 десятин, на остальных же 40–45 десятинах производилась продукция для продажи на рынке, что делало самого фермера не только продавцом сельхозпродукции, но и покупателем продукции американской промышленности. А тот факт, что по истечении 5 лет гомстед переходил в полную собственность американского фермера абсолютно бесплатно, делал его производство не только товарным, но и высокодоходным, так как фермер освобождался от уплаты земельной ренты, что резко увеличивало доходность его производства.

По Гомстед-акту в США было роздано около 2 млн участков общей площадью около 285 млн акров (более 100 млн десятин или 30 млн российских душевых наделов, для сравнения – крепостных в России было всего 23 млн человек). Этот закон радикальным образом решил аграрную проблему в США, направив развитие сельского хозяйства по фермерскому пути, и привел к заселению неиспользуемых плодородных земель. Американские фермеры изна-

⁴ Таковым мог быть любой человек, являющийся главой семьи, в возрасте по крайней мере 21 года, гражданин Соединенных Штатов или заполнивший декларацию-заявление о своем намерении стать таковым согласно законам натурализации США и который никогда не поднимал оружия против правительства США и не оказывал помощи его врагам.

⁵ Эта важная тема Русской революции более детально освещена в настоящем выпуске в статье В. В. Лапкина. – *Прим. ред.*

чально вели высокодоходное товарное производство, позволявшее Соединенным Штатам не только удовлетворять потребности внутреннего рынка, но и осуществлять экспорт сельскохозяйственной продукции в Европу, где они стали главными конкурентами продукции российских помещиков. С другой стороны, фермеры выступали покупателями продукции развивающейся американской промышленности, чем способствовали бурному росту внутреннего рынка собственной страны. Поэтому главным результатом Гражданской войны стало то, что к началу Первой мировой войны США превратились в самую мощную аграрно-индустриальную державу мира.

Крестьянская реформа 1861 г. была осуществлена под чисто либеральными лозунгами «освобождения крестьян», но осуществлена она была в интересах помещичьего класса, а не в интересах российской экономики. Поэтому Россия продолжала стагнировать в своем экономическом развитии и после Крестьянской реформы. Поздно начав осуществлять промышленную революцию, Россия «проспала» формирование не только второго технологического уклада (ТУ), основанного на паровом двигателе, но и сформировавшегося в последней четверти XIX в. третьего ТУ, основанного на производстве стали, электричества, химической промышленности, а также машиностроительной продукции: станков, оборудования и сельскохозяйственной техники. Крепостническая по своей сути Крестьянская реформа 1861 г. задержала развитие страны на полстолетия.

Результаты осуществления промышленной революции, основанной на паровом двигателе, в первую очередь проявились в строительстве железных дорог. В США первая железная дорога была построена в 1830 г., в России первая железная дорога публичного пользования из Петербурга до Царского Села была построена в 1837 г.⁶

Но после Гражданской войны между Севером и Югом в США началось бурное строительство железных дорог, и в период с 1867

⁶ Первая паровая железная дорога в России появилась еще в 1834 г. Ее построили крепостные умельцы-самородки Ефим Черепанов и его сын Мирон на Уральском Нижнетагильском металлургическом заводе.

по 1873 г. было построено 54 тыс. км железных дорог. Такой протяженности железных дорог Российская империя достигла только через 30 лет, к 1902 г. В 1913 г. общая протяженность железных дорог в России составляла всего 71,7 тыс. км, в то время как в США она была почти в 6 раз больше (401,9 тыс. км), хотя территория последних была в 2,8 раза меньше, а население – в 1,8 раза меньше, чем в России. Угля (главного энергетического ресурса промышленной революции) в 1913 г. в России добывалось 35,9 млн тонн, а в США – 517 млн тонн; стали (третий ТУ) в России за год производилось 4,25 млн тонн, а в Соединенных Штатах – 31,8 млн тонн; продукция машиностроения (третий ТУ) составляла в России 218,5 млн рублей, а в США – 3116,5 млн рублей (БСЭ 1974, ч. II: 118–119).

Осуществление аграрно-крестьянской революции в ходе Гражданской войны между Севером и Югом вызвало резкий рост спроса на сельскохозяйственную технику со стороны фермерских хозяйств. «По переписи 1 июня 1900 г. в Соед. Штатах было земли под фермами 838,6 млн. акров, то есть около 324 млн. дес. Число ферм – 5,7 млн., так что среднее на 1 ферму – 146,2 акра (ок. 60 дес). И вот, производство земледельческих орудий для этих фермеров равнялось *157,7 миллионам долларов* в 1900 году... Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии» (Ленин 1968: 78). В Российской империи производство сельскохозяйственных машин в 1900–1903 гг. составляло всего 12,1 млн рублей в год, да еще ввозилось из-за границы на 15,2–20,6 млн рублей в год, то есть в 10 раз меньше, чем в США. Отсюда отсталость и неэффективность российского сельского хозяйства, которую обеспечила России «великая» Крестьянская реформа 1861 г.

Главный тормоз развития России – помещичье землевладение

Многие в современной России, как и 150 лет назад, поют дифирамбы «великому освобождению» крепостного крестьянства от рабства, но от чего освободили крестьян в 1861 г. – большой вопрос. При Николае I известный либеральный помещик решил осчастливить своих крепостных крестьян и дать им вольную, но

старый крестьянин его спросил: «А как быть с землей-кормилицей? Чья она будет?» Помещик даже удивился: «Земля, конечно же, моя! Зато вы больше не будете крепостными, а будете свободными сельскими обывателями!» Мудрый крестьянин ответил своему либеральному помещику: «Пусть лучше мы будем Вашими, зато земля-кормилица будет Нашей!» (Ключевский 2005: Лекция LXXXV).

Согласно переписи населения 1857–1859 гг., в крепостной зависимости находилось всего 23,1 из 62,5 млн человек, населявших тогда Российскую империю. И, как указывал историк В. О. Ключевский, к 1850 г. более 2/3 дворянских имений и 2/3 крепостных душ были заложены в обеспечение взятых у государства ссуд. Поэтому для освобождения крестьян достаточно было ввести процедуру принудительного выкупа заложенных имений – с уплатой помещикам лишь небольшой разницы между стоимостью имения и накопленной недоимкой по просроченной ссуде (Там же: Лекция LXXXVI). В результате такого выкупа большинство имений перешло бы к государству, а крепостные крестьяне автоматически перешли бы в разряд государственных, то есть фактически лично свободных крестьян. Но такой расклад был крайне невыгоден помещикам, и «Великая крестьянская реформа» 1861 г. была проведена не в интересах крестьян, а исключительно в интересах помещиков, когда крестьяне перестали считаться крепостными, но стали считаться временнообязанными. Крестьянские дома, постройки, все движимое имущество крестьян было признано их личной собственностью. Помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам усадебную оседлость и полевой надел. При выкупе надела основную сумму помещик получал у государства, а крестьянин обязан был немедленно уплатить помещику 20 % выкупной суммы, остальные 80 % вносило государство, таким образом давая крестьянам казенную ссуду под выкуп земли. Крестьяне должны были погашать ее в течение 49 лет равными платежами по 6 % выкупной суммы ежегодно (Там же: Лекция LXXXVI). Таким образом, крестьяне суммарно уплачивали 294 % выкупной ссуды. Уплата выкупных платежей была прекращена только благодаря Первой русской революции и лично П. А. Столыпину. К 1906 г. крестьяне уже заплатили 1571 млн выкупа за земли, стоившие

всего 544 млн рублей, то есть фактически они уплатили тройную цену.

Еще одним результатом антикрестьянской реформы 1861 г. стало появление так называемых «отрезков» – части земель, составлявших около 20 %, которые до реформы были в ведении крестьян, а после оказались в ведении помещиков и не подлежали выкупу. Раздел земли был проведен помещиками так, что крестьяне оказались отрезанными помещичьей землей от водопоя, леса, большой дороги, церкви, от своих пашен и лугов, в результате чего они искусственно принуждались к аренде помещичьей земли на кабальных условиях. «Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 г., несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи... Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при “освобождении” их от земли помещиками в 1861 г. отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у “своего” помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это – хозяйство посредством отрезных земель... Реформа 1861 г. оставила в наделах крестьян земли несравненно более худшие нежели у помещиков, а кроме того крестьяне были “освобождены” в 1861 г. от необходимых для их хозяйств водопоев, выгонов и т. п.» (Ленин 1968: 66).

Вплоть до 1906 г., несмотря на юридическую отмену крепостного права, сохранялся фактический запрет на уход «обязанных» и «выкупных» крестьян со своего участка земли, что указывает на сохранение крепостного права как социально-экономического института. Именно крупное помещичье землевладение и остатки крепостничества в Центральной России сформировали основные социально-экономические предпосылки Октябрьской революции 1917 г. Таким образом, Крестьянская реформа 1861 г. законсервировала отсталость аграрного строя России и заложила экономический фундамент Октябрьской революции 1917 г. Крестьянские хозяйства в основной своей массе носили не товарный, а продовольственный характер, так как крестьяне не могли даже дотянуть до

нового урожая и не являлись субъектом внутреннего рынка и потребителями промышленных товаров российской индустрии.

После «великой» Крестьянской реформы 1861 г. крестьяне получили отнюдь не равные наделы земли. И по данным статистики, в 1905 г. бывшие крепостные крестьяне имели во владении в среднем по 6,7 десятин, бывшие удельные крестьяне – по 9,5 десятин, а бывшие государственные крестьяне – по 12,5 десятин на двор. В то время как прибалтийские крестьяне имели по 36,9 десятин, а казаки – по 52,7 десятин на двор (Ленин 1968: 64). То есть у прибалтийских крестьян земли было столько же, сколько у немецких гроссбауэров, а у казаков – почти как у американских фермеров. И те и другие в отличие от крестьян центральных губерний имели возможность вести товарное производство на своих земельных наделах и не испытывали на себе гнет остатков крепостничества.

Общая величина земельного фонда в европейской части России в начале XX в. была равна 280 млн десятин, а в США под фермерскими хозяйствами было 324 млн десятин. С учетом земель в Сибири и на Дальнем Востоке Россия и Соединенные Штаты имели примерно одинаковые масштабы сельхозугодий. Но в США эту землю обрабатывали 5,7 млн фермерских хозяйств, в которых на одно хозяйство приходилось около 60 десятин земли, а в России значительную часть земельного фонда занимали помещичьи хозяйства. В 1905 г. латифундии площадью свыше 1000 десятин составляли 65,7 % частного землевладения, причем более половины (54,4 %) из них составляли латифундии с площадью более 5000 десятин, хотя оптимальным размером для уровня развития агротехники начала XX в. были хозяйства от 50 до 500 десятин.

Нигде в мире не видывали капиталистических хозяйств площадью от 5 до 650 тыс. десятин, а в России было два поместья, занимавшие площадь в 1250 тыс. десятин (Анфимов 1969: 27–29). 155 земельных магнатов имели 16,2 млн десятин, то есть более 1/5 всего частного земельного фонда (БСЭ 1974, ч. II: 111). «...Латифундии имеются необъятные: семьсот собственников владеют в среднем по тридцать тысяч десятин каждый... Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, то есть в среднем по 2227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного земле-

владения... Из 27 833 владений 18 102, то есть почти две трети, принадлежат дворянам, и земли у них $44\frac{1}{2}$ млн. дес., то есть свыше 70 % всего количества земли под латифундиями» (Ленин 1968: 62).

А вот в крестьянском землевладении картина прямо противоположная: «136,9 млн. десятин находится во владении 12,25 млн. крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 десятин на двор. Но и надельная земля распределена не равномерно: почти половина ее – 64 из 137 млн. десятин находится в руках 2,1 млн. богатых земель дворов, т. е. у одной шестой общего числа... Больше половины надельных дворов – 6,2 млн. из 12,3 имеют по 8 десятин на двор... Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 десятин, то получим 10 млн. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня» (Там же: 62–63). По некоторым расчетам, на крестьянскую семью из 5–6 человек, имеющую 2–3 работников, необходимо иметь 10–15 десятин посевных площадей, а всего – 20–25 десятин землевладения, для того чтобы полностью использовать запас годового рабочего времени такой крестьянской семьи и жить исключительно за счет сельскохозяйственного труда (посчитано по: Струмилин 1966: 177).

В «Записке представителей земских учреждений в комиссию о Центре» величина аграрного перенаселения Центра Европейской России определяется следующим образом: «В данном районе только 21 % из числа всех работников нужны в сельском хозяйстве, а 79 % – составляют избыточное сельское население» (Симонова 1971: 254). А общая величина аграрного перенаселения России в 1913 г. оценивалась в 32 млн человек (Анфимов 1969: 55). Таким образом, в России на одном полюсе были сконцентрированы 28 тыс. огромных помещичьих латифундий, существовавших в основном за счет пережитков крепостничества, а на другом – 10 млн крестьянских дворов, мизерные наделы которых не обеспечивали им даже физического выживания. И при этом 32 млн пар крестьянских рук были избыточны для нужд сельскохозяйственного производства. Основная масса этих лишних рук и ртов была сосредоточена в центре Европейской России, где сохраняли свое господство огромные помещичьи латифундии.

Роль передельной общины в революции 1917 г.

Еще одним фактором, тормозившим развитие аграрного строя России после реформы 1861 г., была общинная форма землевладения. Она вместе с сопутствующими ей чересполосицей, принудительным севооборотом и круговой порукой создала такой тип производственных отношений, при котором общинники во всех своих действиях были взаимосвязаны и взаимозависимы. В центральных российских губерниях, где господствовала русская передельная община, постоянно уравнивавшая условия хозяйствования крестьян, передел земельных наделов осуществлялся каждый год. Ежегодные переделы делали неэффективным введение передовой агротехники, так как даже основная отдача от внесенных весной удобрений доставалась следующим владельцам наделов. Поэтому к общинной земле относились как к военнопленному: минимально кормили, но не очень заботились.

Чтобы изменить отношение крестьян к своим наделам, в 1893 г. Александр III принял закон о 12-летнем периоде передела (передел земель в общине 1 раз в 12 лет). На 12 лет крестьяне успокаивались и трудились на выделенных им наделах, но через каждые 12 лет крестьянская масса снова возбуждалась, борясь за лучшие наделы и требуя справедливости. Поэтому уже в 1905 г. (через 12 лет после 1893 г.) Россия получила революцию с мощнейшими крестьянскими выступлениями с главным требованием «черного передела»: отобрать земли у помещиков и передать их крестьянам. В 1905 г. армия была сильна и верна царской власти, а крестьяне не имели оружия, чтобы силой отобрать землю у помещиков, но ситуация в корне изменилась в 1917 г.

С. Ю. Витте вспоминал, что в ноябре – декабре 1905 г. такие столпы реакции, как генерал Трепов и адмирал Дубасов, напуганные крестьянским движением, сами предлагали отдать бесплатно крестьянам половину помещичьих земель, дабы сохранить другую половину в своей собственности (Витте 2002: 9). П. А. Столыпину удалось подавить революционный террор 1905–1907 гг., а его аграрная реформа серьезно продвинула развитие в России капиталистических отношений, создав фермерские, хуторские хозяйства. За 1906–1916 гг. из общины вышло около 2,5 млн, или 26 %, дворовых хозяйств, половина из которых продала свою землю, а другая поло-

вина начала вести товарное производство, как в США. Столыпин активно поощрял переселение крестьянских семей из густонаселенной европейской части России в Сибирь. Переселилось около 3 млн крестьян, сформировав в Сибири класс «российских фермеров», продукция которых высоко ценилась на европейских рынках.

Но российский помещичий класс всячески противоборствовал столыпинским реформам и переселению крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Вот свидетельство С. Ю. Витте: «Многие из влиятельных частных землевладельцев-дворян и их ставленники в бюрократическом мире Петербурга, а прежде всего министр внутренних дел П. Н. Дурново, считали переселение в Сибирь вредной мерой. Они утверждали, что мера эта может иметь дурные политические последствия, в сущности говоря, при откровенном разговоре и суждениях об этом деле ясно выражалась крепостническая мысль, а именно: если крестьяне будут выселяться, то земля не будет увеличиваться в цене, потому что известно, что чем больше количество населения, тем более увеличиваются и цены на землю... Желательно, чтобы не помещик искал рабочих, а рабочие умирали с голоду от неимения работы, тогда рабочие руки будут гораздо дешевле, а потому и лучше» (Витте 2002: 441–442).

Помещики активно боролись против развития капитализма по американскому образцу в Сибири, опасаясь конкуренции «русской Америки», для этого был введен так называемый «Пермский перелом», то есть внутренняя таможня, препятствовавшая проникновению сельскохозяйственной продукции сибирских крестьян в центральные губернии, так как она была значительно дешевле продукции помещичьих хозяйств, основанных на пережитках крепостничества. «Боясь конкуренции с Америкой, мы создаем себе Америку у себя, бок о бок с Россией и не в одной только Сибири, а на всем пространстве малонаселенных заволжских степей», – жаловался в «Русском вестнике» представитель интересов помещичьего дворянства К. Ф. Головин (цит. по: Симонова 1971: 245).

Аграрная политика П. А. Столыпина противоречила интересам успокоившегося после подавления революции 1905 г. помещичьего класса, который восстал против проектов реформ, допускающих возможность принудительного отчуждения помещичьих земель даже за выкуп по «справедливой оценке». Вот что говорилось

в докладе на VII съезде Объединенного дворянства в 1910 г.: «Обращаясь к условиям времени, я позволю себе коснуться вопроса того спокойствия, которое установилось в дворянской среде в последние, после второго в истории побоища дворянства, годы. Резкое повышение цен на землю, небывалая устойчивость высоких цен при сильных урожаях в течение трех лет дали устойчивость бодрому настроению дворянства. Деньги от продажи частей владений и перезалогов по высокой оценке внесли даже некоторую долю веселости в настроение и во взгляды на будущее...» И как не быть «уверенным и веселым» российскому помещицкому классу, если площадь их землевладения в пореформенный период уменьшилась в 1,86 раза, а общая ее стоимость увеличилась в 5,16 раза благодаря повышению цен на землю в 9,59 раза (Анфимов 1969: 358–359).

А цены, как известно, растут тогда, когда спрос на землю значительно превышает ее предложение. Огромная нехватка земли в центральных губерниях приводила к хронической бедности, постоянным голодовкам и исключительной дешевизне сельских работников в связи с огромной перенаселенностью аграрного Центра. Напомним, что в «Записке представителей земских учреждений в Комиссию о Центре» указывалось: «В данном районе только 21 % из числа всех работников нужны в сельском хозяйстве, а 79 % – составляют избыточное сельское население» (Симонова 1971: 254). В целом же по России избыток рабочей силы в деревне в 1913 г. составлял 32 млн человек, или 20 % всего населения страны (Анфимов 1969: 55). Возможно, что именно этот факт стал одной из основных причин, по которой Российская империя ввязалась в абсолютно ненужную и невыгодную ей Первую мировую войну: дабы «сжечь» революционную энергию крестьянских масс в горниле мировой войны, превратив избыточную рабочую силу в «пушечное мясо».

Поэтому к 1917 г. противостояние между господствующим помещицким классом и составляющим абсолютное большинство населения России крестьянством (83 %) накалилось до предела, а тут еще подошел год очередного передела общинной земли. Это противостояние не могло не вылиться в революцию и последующую за ней Гражданскую войну. Но по сравнению с 1905 г. ситуация кардинально изменилась: уставшая от войны армия состояла из

9 млн вооруженных крестьян, которые умирали в окопах, а в их деревнях в это время начинался новый передел земли. В результате произошла Февральская революция 1917 г., и эсеры пообещали передать помещичьи земли крестьянам. Но прошло полгода, и ничего, кроме болтовни с трибун о войне до победного конца, крестьяне в серых шинелях не услышали. Тогда большевики, используя полную политическую недееспособность Временного правительства, захватили власть, провозгласили Декреты о мире и о земле, которые полностью соответствовали чаяниям крестьян, гнивших в окопах и уставших воевать за непонятные им интересы британской буржуазии.

Фронт рухнул, а крестьяне в солдатских шинелях и с оружием в руках поспешили в деревни делить землю. Когда же сорганизовалось Белое движение за возврат прежних порядков и помещичьего землевладения, то сотни тысяч вооруженных крестьян пошли в Красную армию, чтобы отстоять переданную им бывшую помещичью землю.

Россия практически весь XIX в. после блестящего периода царствования Екатерины Великой и победы над армией Наполеона в период правления Александра I находилась в заторможенном состоянии. И главным тормозом ее развития были крупные помещичьи хозяйства, которые и после «Великой крестьянской» реформы являлись оплотом остатков крепостничества и сдерживали экономическое развитие России. Их ликвидация в ходе Октябрьской революции 1917 г. уничтожила препоны в экономическом развитии России и создала необходимые предпосылки к мощнейшему развитию в 1930-х гг. В результате к середине XX в. СССР и США стали самыми мощными государствами мира, определявшими основные направления мирового развития.

Из всего вышеизложенного следует сделать вывод, что Гражданская война между Севером и Югом и «Акт о гомстедах», создавшие мощный класс фермеров и ликвидировавшие крупное землевладение, сформировали необходимые предпосылки для бурного развития капиталистического производства в США и превращения их в мирового экономического лидера, в то время как Крестьянская реформа 1861 г. затормозила экономическое развитие России, оставив ее с нерешенным аграрным вопросом, касающимся

интересов подавляющей массы населения, с наглухо задренной крышкой кипящего котла, чреватого скорым и неизбежным взрывом. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали фундаментом бурного развития СССР в 1930–1960-х гг., превратившего Россию в мощнейшую мировую державу, по ряду позиций соперничающую с США. Итак, революция 1917 г. – это решение аграрного вопроса, искусственно «отложенного» царским самодержавием на полстолетия. Можно затормозить прогресс, но нельзя его отменить: рано или поздно с кипящего котла сорвет задренную наглухо крышку. Это и произошло в октябре 1917 г.

Литература

Анфимов, А. М. 1969. *Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.)*. М.: Наука.

БСЭ (Большая Советская Энциклопедия). Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1974.

Витте, С. Ю. 2002. *Воспоминания, мемуары*: в 2 т. Т. 1. М.: АСТ; Минск: Харвест.

Ключевский, В. О.

2002. *Русская история. Полный курс лекций*. Т. 3. М.: АСТ; Харвест.

2005. *Русская история. Полный курс лекций*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование.

Ленин, В. И. 1968. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* (с. 57–137). 5-е изд. Т. 17. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Особенности аграрного строя России в период империализма (Материалы дискуссии). М.: Академия наук, 1962.

Симонова, М. С. 1971. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. *Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей к 85-летию со дня рождения академика Николая Михайловича Дружинина* (с. 236–263). М.: Наука.

Струмилин, С. Г. 1966. *Очерки экономической истории России и СССР*. М.: Наука.